

ОГО НЕКТЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 15

Суббота, 17 (30) апрѣля 1904 г.

№ 15

Воспоминанія и мемуары.

(Н. И. Лорреръ. Изъ записокъ декабриста „Русское Богатство“. Мартъ 1904 г. Кн. М. Н. Волконская. Записки, съ предисловіемъ и приложениями князя М. С. Волконскаго. СПб. 1904 г.)

I.

Литература о декабристахъ обогатилась двумя произведеніями, только-что появившимися въ свѣтъ. Начало „Записокъ“ Н. И. Лоррера помѣщено въ мартовской книжкѣ „Русскаго Богатства“ и „Записки княгини Маріи Николаевны Волконской“ вышли въ отдѣльномъ изданіи. Последнія являются какъ бы дополненіемъ къ ранѣе изданнымъ запискамъ ея мужа, князя Сергія Григорьевича Волконскаго *).

Княгиня Марія Николаевна — одна изъ тѣхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, которыхъ подвигъ любви и самоотверженія воспѣлъ Некрасовъ въ своей знаменитой поэмѣ („Русскія женщины“).

*) СПб. 1900 г.

Великолѣпно изданный томъ записокъ княгини воспроизводитъ оригиналъ, написанный по французски, но для русскихъ читателей, мало знакомыхъ съ этимъ языкомъ, издатель приложилъ прекрасный переводъ, сдѣланный вѣрующей авторки.

Оба разсматриваемые труда переносятъ насъ къ далекимъ эпохамъ, которая еще ждетъ своихъ историковъ. Контуры ея только въ последнее время начинаютъ вырисовываться вполне определенно и яснѣе для русскаго общества...

Оба труда дополняютъ одинъ другой. Записки Лоррера, майора вятскаго полка, близкаго друга Пестеля, живо передаютъ правы времени. Уроженецъ Малороссіи, 18-лѣтнимъ юношей Лорреръ пріѣхалъ въ Петербургъ искать счастья на службѣ.

Въ Петербургѣ у него были кое-какія связи. Старшій братъ его былъ боевымъ офицеромъ и послѣ нѣсколькихъ совершенныхъ кампаній, раненый въ бояхъ и награжденный отличіями, жилъ на покой. Онъ былъ близокъ со многими сильными міра и пользовался неизмѣннымъ покровительствомъ Цесаревны

Константина Павловна, подл. начальствомъ котораго онъ проходилъ свою службу. Все это послужило на пользу юномъ при первыхъ шагахъ его въ свѣтъ. Зачисленіе въ полкъ, благодаря протекціи, произошло быстро.

Вотъ какъ самъ Лорреръ описываетъ эту сцену.

„Съ страшнымъ замѣраніемъ сердца подѣлжалъ я къ Мраморному двору. По большой лѣстницѣ, показавшейся мнѣ грязною, не бывъ встрѣченъ ни швейцаромъ, ни даже лакеемъ, взойти мы въ огромную залу. Тутъ мы нашли уже многихъ адъютантовъ великаго князя, знакомыхъ брата, которые всѣ обступили насъ, и помню, что Кудашевъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Я знаю, что ты знакомъ со многими иностранными языками, но ежели его высочество спроситъ тебя, чему ты учился, то скажи: „русскому“. Вскорѣ всѣ засуетились, водворилась тишина, и великій князь вошелъ... Онъ прямо подошелъ въ брату, хриплымъ, но отрывистымъ голосомъ поздоровался съ нимъ, сказалъ, что давно съ нимъ не видался, взглянулъ на меня, намор-

Отправленіе раненыхъ съ поля битвы къ ближайшему врачебному пункту Краснаго Креста.

щилъ свои огромныя брови и спросилъ: „Это братъ твой?“ Тогда братъ мой представилъ меня его высочеству и пожелалъ свое желание и просьбу. Великій князь, окинувъ меня своимъ быстрымъ взоромъ, тотчасъ же рѣшилъ: „въ конную гвардію...“ Дмитрий Дмитриевичъ Курта, посадилъ его на барабанъ и обстричь эти блондуры кури“... и пошелъ... Скоро вернувшись, однако, в. к. промолвилъ: „Я раздумалъ: полкъ въ походъ, на него надѣвуть кирасу, каску... переходы большіе, онъ пропадетъ... наживетъ себѣ чахотку... потому что, кажется, вскорѣмъ на молюхъ... Я опредѣлю его въ Дворянскій полкъ къ полковнику Ингелгарду и даю слово, — сказалъ онъ, взявъ брата за руку, — черезъ 5 или 6 мѣсяцевъ, когда онъ вѣтается немного, произведу его въ офицеры гвардіи“.

Братъ мой благодарилъ его высочество и подблаговолъ его въ плечо. Великій князь тогда спросилъ меня: „Чему ты учился?“ и я, помня наставленіе Кудашева, скромно началъ: „Русскому“... „Довольно“, — сказалъ в. к., поклонился и удалился въ свои апартаменты...“

II.

Па другой день юноша былъ отвезенъ въ домъ полковника Ингелгарда, который содержалъ на своей квартирѣ пенсіонеро-въ-кадетъ. Воспитанники сходились вмѣстѣ въ корпусъ и составляли два батальона, причемъ наряду со взрослыми были и юноши. Сынновъ стояли въ строю рядомъ съ отцами. Образованіе въ полку никакого не давалось; многие такъ и оставались совершенно неграмотными.

Все учение сводилось къ маршировкѣ, рукоприкладію и военнымъ эволюціямъ. По своей военной выправкѣ, кадеты не уступали солдатамъ гвардейскихъ полковъ.

„Цесаревичъ, который забавлялся нами, часто развлекался тѣмъ, что выводилъ на площадь въ тридцать градусовъ мороза или венастую погоду и училъ, училъ, училъ, приправляя все это бранью“ вспоминаетъ авторъ „Записокъ“.

По воскресеньямъ кадеты отшучивались къ роднымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ виду военныхъ событий, послѣдовало производство въ офицеры. Произошло это очень просто: всѣ выпускные собрались въ залъ перваго кадетскаго корпуса и построились въ шеренгу. Приѣхалъ великій князь Константинъ Павловичъ, ему подали кусокъ мѣла, и онъ, проходя по шеренгѣ, сталъ „тавить“ кадетахъ разными чертами. Кому поставить крестъ, кому кругъ, кому четырехугольникъ.

„Я съ трепетомъ ждалъ своей очереди, какъ вдругъ в. к., дойдя до меня, остановился и, спросивъ мою фамилію, вскричалъ: „рано, еще не утерѣ офицеръ“, по благодарительнаго Ладога что-то шепнулъ ему на ухо, и тогда его высочество, шутя уже, спросилъ меня: „Знаешь ли службу?“ „Знаю, в. в.“ „Можешь ли командовать батальономъ?“ „Могу, в. в.“, смѣло отвѣчалъ я. Тогда и на моей груди появилась какой-то мѣломъ начерченный крестикъ, и я присоединился къ другимъ такимъ же знакомъ отмѣченнымъ счастливанцамъ“.

На другой день равнымъ утромъ, при 18 градусахъ мороза, кадеты въ однихъ мундирахъ бѣжали черезъ Неву во двоецъ.

Государь произвелъ смотръ и поздравилъ кадетъ офицерами.

Война кипѣла^{*)}, французы уже заняли Москву; въ офицерахъ въ арміи чувствовался недостатокъ. Прапорщики командовали ро-

тами, поручики—батареями. Резервная дивизія, составленная изъ рекрутовъ, перешла подъ команду только что произведенныхъ офицеровъ и двинулась къ Москвѣ. Она шла на соединеніе съ гвардіей подъ командой полковника Бетцаго, за немнѣемъналицо генераловъ.

III.

Долгіи тяжелый походъ. Парижъ, за нимъ Берлинъ, Варшава, смотры, приѣзды государя, востановленіе польскаго королевства и торжественное открытіе сейма. Необычайныя рѣчи Государя, палата представителей, харити вольности и молодые мечты о такомъ же близкомъ раскрѣпощеніи и для Россіи.

Гвардейскій корпусъ полонъ молодежью. Въ немъ цвѣтъ аристократіи—не только родовою, но и дѣйствительно аристократіи духа и ума. Маршировка и выправка, „шагистика“ и „ружистика“ не удовлетворяютъ этихъ юношей. Молодежь много читаетъ; въ полкахъ заводится библіотека; книги по гуманитарнымъ наукамъ читаются нарасхватъ, а на ряду съ этимъ въ полковыхъ частяхъ входитъ въ моду строгій педантизмъ: фронтовые ученія и ружейные приемы.

Побѣдоносная война окончена, но увлеченія смотрами, учениями и парадомъ начинаются. Барабанный бой не смолкаетъ въ столицѣ.

„Оба Великіе Князя другъ передъ другомъ соперничали въ ученыя солдаты. Великій Князь Николай даже по вечерамъ требовалъ къ себѣ во дворецъ команды человѣкъ по 40 старыхъ ефрейторовъ; тамъ зажигались свѣчи, люстры, лампы, и его высочество изволилъ заниматься ружейными приѣмами и маршировкой по гладко затертому паркету. Не разъ случалось, что Великая Княгиня Александра Федоровна, тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ угоду своему супругу, становилась на правый флангъ, съ боку какого-нибудь 13-ти вершковаго усаха-гренадера, и маршировала, вытиная носки.“

Чувствуются два теченія, противоположныя другъ-другу. Старея командиры удаляютъ изъ полковъ, ихъ мѣста замѣняютъ новыя изъ „высучившихся“. Они вносятъ съ собой грубость „бурбоновъ“ и жестокость педантовъ. Цѣль войска приносится въ жертву буну.

IV.

Наступало тревожное время. Европа переживала тяжелыя минуты. Карбонари вели борьбу съ правительствомъ въ Неаполѣ; въ Испаніи громко раздавались требованія конституціи, Греція возстала за свою независимость; глухо волновалась Германія, и молъ дой Занкъ убилъ Кобуля, мста за честь университета.

Первая половина Александровскаго царствованія миновала.

Вскзъ звѣзды Сперанскаго меркъ передъ славой новыихъ восходящихъ звѣздъ, въ лицѣ Аракчеевыхъ, Магницкихъ, Руничей и компаніи. Кругомъ чувствовалось скрытое броженіе. Среди молодежи образовались тайные кружки и общества. Въ одно изъ такихъ обществъ и былъ вовлеченъ авторъ „Записокъ“.

Лорреру было двадцать восемь лѣтъ, когда онъ узналъ, что всѣ тѣ, которыхъ онъ считалъ близкими къ себѣ лицами, состоятъ уже членами этого общества.

Безъ колебанія онъ вошелъ въ число его членовъ, а черезъ три дня онъ познкомился съ главнымъ лицомъ—П. И. Пестелемъ.

Пестель только что приѣхалъ въ Петербургъ; Лорреръ набрасываетъ его вѣстный портретъ: небольшого роста, брѣньетъ съ черными, блестящими, пріятными глазами. По словамъ автора, онъ сильно напоминалъ собою

Наполеона. Пестель былъ недоволенъ петербургской проволокою.

„У васъ въ Петербургѣ ничего не дѣлается и сидятъ сложа руки; это непростительно современному обществу и, я думаю, продолжалъ онъ, скоро можно будетъ начать дѣло.“

Съ Пестелемъ Лорреру пришлось прослужить въ строю въ одномъ полку, заброшенномъ въ глухомъ мѣстечкѣ Липцахъ. Здѣсь онъ близко сошелся съ Пестелемъ.

„Освоившись, обжившись въ полку и, проведя съ Пестелемъ почти неразлучно два года до минуты, когда настъ судьба такъ жестоко и навсегда разлучила, я узналъ его коротко и могу сказать, что онъ былъ одинъ изъ замѣтательнѣйшихъ людей своего времени. Прекрасно образованный, обладавшій отличными способностями, онъ въ своемъ тѣсномъ кругу считался гениальнымъ.“

Прекрасный, увѣренный ораторъ; но въ его словесахъ проглядывало неомѣрное честолюбіе и тщеславіе“.

Заговоръ уже арѣлъ, но Пестель выглядѣлъ мрачнымъ. Однажды онъ занялъ Лорреру:

„Николай Ивановичъ, все, что вамъ скажу, пусть останется тайной между нами. Я не сплю уже нѣсколько ночей, все обдумывая важный шагъ, на который рѣшаюсь... Получая чаще и чаще неблагоприятныя свѣдѣнія отъ управъ,^{*)} убѣждаюсь, что члены нашего общества охладѣваютъ все болѣе и болѣе къ notre bonne cause, что никто ничего не дѣлаетъ въ предѣлахъ ея... что государь навѣваетъ даже о существованіи общества и идетъ благовиднаго предлога, чтобы насъ всѣхъ схватить, а рѣшили дожидаться 26-го года (мы были въ ноябрѣ 1825), отприватиться въ Таганрогъ и принести государю свою повинную голову, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ зналъ настоятельную необходимость разрушить общество, предупредивъ его развитіе дарованіемъ Россіи тѣхъ ужаснѣй и правъ, какиѣ мы добиваемся“.

V.

Колѣния Императора Александра I. Приписана на вѣрность службѣ Константинъ Павловичу. Приѣздъ генерала Чернышева и начало арестовъ.

По доносѣ одного изъ членовъ, приняты въ общество. Майборода, заговоръ былъ открытъ и начались аресты. Они начались въ тотъ самый день, 14 декабря, когда въ Петербургѣ былъ возмущеніе.

Объ этихъ же арестахъ кратко говорить въ своихъ запискахъ княгиня Волконская. Но въ ея краткомъ описаніи развѣривается картина истинной трагедіи.

Три мѣсяца всего какъ вышедшая замужъ, малоизнавшая до свадьбы своего избранника и не имѣвшая никакого понятія о существованіи тайнаго общества, она сразу узнала рѣшеніе роковой загадки.

Ночь нависла надъ Уманью, когда вернулась послѣ долгаго отсутствія генералъ Волконскій.

— „Онъ меня будить, зоветъ: вставай скорѣй! Я встаю, дрожа отъ страха; моя беременность приближалась къ концу, и это возвращеніе и этотъ шумъ испугали меня. Онъ сталъ растапливать каминъ и сжигать бумаги. Я ему помогала, какъ умѣла, спрашивая, въ чемъ дѣло.“

— Пестель арестованъ.

— За что?—Нѣтъ отвѣта. Вся эта таинственность меня тревожила.“

Таинственность продолжалась долго. С. Т. отвѣтъ жену въ нѣмнѣ къ ея отцу, генералу

^{*)} Время разсказа относится къ началу 1812 г.

^{*)} Общество раздѣлялось на три отдѣльных управъ: Юверную, во главѣ съ Никитой Муравьевымъ, южную, подъ управленіемъ Пестеля, и Васильковскую, съ Муравьевымъ-Алостодомъ.

Равскому, и больше ничего не узнала княгиня Мария Николаевна.

Только из газет, уже много времени спустя, она узнала, что мужь ее приговорен и разжалован. Пестель, Сергей Муравьев и Вестужев и Каховской приговорены к повешению. А Сергея Волконского ждала каторга в Сибирь.

Молодая женщина впервые тогда почувствовала самотельность. Она рѣшила дѣлствовать. Ни уговоры родных, ни настояние отца, ни страшная картина предстоящей муки, ничто ее не страшило; она поняла и создала вопль, что мѣсто ее „не на пышномъ балу, а въ дальней пустыни угрюмой, гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ углу терзается лютою думою... одинъ“.

Выборать приходилось между сыномъ, только что появившимся на свѣтъ, и мужемъ. Но она рѣшила, что пойдетъ туда, гдѣ болѣе нужна. „Я сына оставлю въ семействѣ родномъ, онъ скоро меня позабудетъ. Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ отцомъ,—сестра ему матерью будетъ; онъ такъ еще малъ! И когда подростетъ и страшную тайну узнаетъ, я вѣро, онъ материнъ чувство пойметъ и въ сердцѣ его оправдается“.

„Я заложилъ свои бриллянты, пишетъ княгиня, заплатила нѣкоторые долги мужа и написала письмо къ Государю, прося разрѣшенія сдѣлать за мужемъ“.

VI.

Разрѣшеніе пришло, кибитка готова. Дальній, семисутный путь разстилается предъ нею. „Я ѣхала день и ночь, не останавливаясь и не обѣдая нигдѣ, я просто пила чай тамъ, гдѣ находилъ поставленный самоваръ; мнѣ подавали въ кибитку кусокъ хлѣба, или что пошло, или же стаканъ молока, и этимъ все ограничивалось. Однажды въ дѣсу я обогнала цѣль каторжанниковъ; они шли по посылъ въ свѣту, такъ какъ зимній путь еще не былъ продолженъ; они производили отталкивающе впечатлѣніе своей грязью и нищетою. Я себя спрашивала: Неужели Сергей такой же истощенный, обросшій бородой и съ вѣснанными волосами?“

Сколько испытаній и мятарствъ довелось испытать ей въ это долгое путешествіе! Но самоотверженіе любящей женщины не знаетъ границъ. Въ Казани ее задержали; чиновникъ военного губернатора предупредилъ, что княгиня лучше сдѣлается, если вернется обратно. Ей указывали на трудность пути, на невозможность съ жи ни въ Сибирь, рисовали всякіе ужасы и страхи. Но она твердо рѣшилась настоять на своемъ. Она съмыслила только на разрѣшеніе Императора, дававшее ей свободный пропускъ туда, куда влекло ее собственное сердце.

И вотъ наконецъ—Сибирь. Глушь и дичь. Мрачная нора, три аршина въ длину, два въ ширину; потолокъ бугвально давить; взрослому человѣку невозможно стоять во весь ростъ. Это крошечное помыщеніе раздѣляють трое: Волконскій, Трубочкой и Оболенскій. Для кровати послѣдняго не находится мѣста, и онъ устрѣилъ себѣ родъ ирѣ надъ ложечъ Трубочного. Вы поинте превосходящую сцену свиданія съ узникомъ въ некрасовой позы:

„И съ крикомъ: „иду!“ я бжалъ бѣгомъ,

Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ аяющимъ рвомъ
Павстрѣху призывному звуку...

„Иду...“ Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...

И я подбѣжала... И думу мою
Наполнило чувство святое.

Я только теперь, въ рудникѣ роко-
вомъ,

Улышавъ ужасные звуки,

Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... И готовность страдать...
Невольно предъ нимъ я склонилась
Колѣна,—и прежде, чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..

Эта сцена не выдуманна поэтому, она вполнѣ сходится съ достовѣрными записками самой княгини и передаетъ въ поэтическихъ образахъ слово въ слово то, что она сообщаетъ сама въ своемъ краткомъ и сжатомъ разсказѣ. „Видъ кандаловъ такъ воспламенилъ и растрогалъ меня, что я бросилась предъ нимъ на колѣна и поцѣловала его кандалы, а потомъ его самого“, пишетъ въ запискахъ княгиня.

И поэма Некрасова является лишь точнымъ воспроизведеніемъ „Записокъ“, которыя только теперь появляются въ свѣтъ. И это вполнѣ понятно. Сынъ Сергея Григорьевича, назвавшій теперь записки своихъ отца и матери, въ комментаріяхъ, приложенныхъ къ книгѣ, говоритъ:

„Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи. И я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашемъ въ принесенную мнѣ тетрадку. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминая, какъ при этомъ П. А. по нѣсколько разъ порывисто вскакивалъ и, со словами: „довольно, не могу“, бжалъ къ камину, садился къ нему и плакалъ какъ ребенокъ.“

Ник. Некрасовъ.

Въ столицѣ Коренъ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Изъ Чемульпо въ Сеулъ. — Видъ Сеула. — Русская миссія. — Лѣтній дворецъ. — Духовная православная миссія. — Достопримѣчательности Сеула: нагода, черепаша, колоколь. — Эмиссія корейскихъ женщинъ. — Трамвай и соломенные крыши. — Уадакъ промышленности. — Гигіена и санитарія. — Храмы Неба.

I.

Столица Корен—Сеулъ, имѣющая теперь такое громадное значеніе въ дѣствіе военныхъ событий, расположена въ 40 верстахъ отъ порта Чемульпо, находящегося на западномъ берегу Корейскаго полуострова.

Сообщеніе между Чемульпо и Сеуломъ очень удобно, ежедневно бываетъ пять отправленій, какъ изъ Чемульпо, такъ и изъ Сеула, начиная съ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера; продолжительность перѣзда 1½ часа и въ настоящее время, съ устройствомъ правильного желѣзнодорожнаго сообщенія между Чемульпо и Сеуломъ, пассажиру любого, пришедшаго даже на нѣсколько часовъ, парохода, представляется возможность посѣтить столицу Коренъ, бывшую еще не столь давно запрещеннымъ городомъ для иностранцевъ.

Перѣздъ изъ Чемульпо до Сеула очень интересенъ. Поѣздъ то вбѣзаетъ медленно на горы, прорѣзанныя большими выездами, то быстро летитъ внизъ, по крутому уклону, и вагоны кренятся на бокъ, когда онъ на закругленіяхъ сворачивается съ прямого пути, чуть не подъ прямымъ угломъ, чтобы обойти какую-нибудь гору или иное препятствіе.

Дорога проходитъ повсюду по наиболѣе назидательнымъ мѣстамъ, и потому вездѣ вдоль нея видѣются вѣнны, покрытыя водой и пересѣченныя земляными валиками, раздѣляющими ихъ какъ бы на т-раски—это мѣста, приготовленныя для посѣва риса. На станціяхъ поѣздъ стоитъ не болѣе минутъ

двухъ, пока успѣютъ сѣсть новые пассажиры— почти все корейцы, въ своихъ оригинальныхъ бѣлыхъ костюмахъ и высокихъ, черныхъ волосатыхъ шляпахъ. Кромѣ нихъ, въ поѣздѣ много „дущихъ японцевъ, болѣею частью въ европейскомъ платьѣ, и японцевъ въ національныхъ кимононахъ.“

Горы покрыты кое-гдѣ основными молодяками, который жители разсаживаютъ на кладбищахъ; деревни и отдѣльные хутора попадаются довольно часто, иногда поѣздъ проходитъ черезъ самое селеніе, и съ высоты насыпи видна внутренность дворовъ незабѣланныхъ корейскихъ жилищъ, сложенныхъ изъ мелкихъ камней на глинѣ, или просто изъ глины, съ черными соломенными крышами и маленькими окнами въ свѣтахъ, заклеенныхъ бумагой, итѣею оконъ. Поѣздъ, все поднимавшійся на плоскогорье, послѣ половины пути начинаетъ спускаться, на горизонтѣ показываются высокія горы, у склона которыхъ расположены Сеулъ.

II.

Еще двѣ станціи, и поѣздъ подходит къ широкой и красивой рѣкѣ, черезъ которую надъ желѣзной дороги перекинута мостъ, роскошный, на 9 каменныхъ бѣгахъ. Это рѣка Ханъ-ганъ, ширина ее въ этомъ мѣстѣ болѣе ста сажень. Почти сейчасъ же за рѣкою начинаются предмѣстья Сеула, которыя тянутся влѣво у подножія горъ. Еще одинъ поворотъ, и сразу открывается видъ на самый Сеулъ, обнесенный высокой каменной стѣной съ бойницами и напоминающей московскій Кремль. Городъ расположенъ въ котловинѣ, между горъ, которыя огораживаютъ его съ трехъ сторонъ и представляютъ въ планѣ четырехугольникъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ городскими стѣнами, съ пробитыми въ нихъ воротами.

Главныхъ воротъ четверо и называются они по сторонамъ свѣта: сѣвернымъ, южнымъ, восточнымъ и западнымъ.

Поѣздъ, не доходя до конечнаго пункта, останавливается первоначально у южныхъ воротъ, гдѣ сѣзжаютъ почти всѣ гужевые пассажиры, которымъ отсюда ближе къ центру города. Съ этой станціи поѣздъ влѣтъ прямо по улицѣ предмѣстья до вокзала. Вокзалъ самъ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго—это просто одностороннее зданіе европейскаго типа, крытое оцинкованнымъ желѣзомъ. Отъ вокзала всего нѣсколько шаговъ до главной улицы предмѣстья, входящей въ городъ черезъ восточные ворота. Эти ворота похожи на пекинскія ворота и перекрѣты сверху, кромѣ каменныхъ сводовъ, еще деревянной постройкой съ двухъ-архусей черепичной кровлей, углы которой, по китайскому обычаю, вздернуты вверхъ и покрыты фигурками животныхъ. Сами ворота деревянные, дубовыя, обиты толстыми желѣзными листами. Сбоку у воротъ стоятъ часовые корейцы. Стѣна, въ которой пробиты ворота, сложена изъ большихъ обтесанныхъ камней и имѣетъ въ среднемъ вышину 20—25 футъ, при толщинѣ около двухъ сажень.

III.

Кромѣ четырехъ главныхъ воротъ, есть еще и промежуточные между ними. Нѣкоторыя ворота имѣютъ специальное значеніе; напримеръ: черезъ одинъ выносятся покойники, черезъ другіе выводятъ преступниковъ на казнь и т. д. За воротами точно такіе же лагути, какъ и въ предмѣстьѣ, только кое-гдѣ соломенные кровли замѣнены черепичными. Перезутокъ, идущій направо, ведетъ въ европейскій кварталъ и къ русской миссіи. Собственно этотъ кварталъ вполнѣ европейскій, набитъ „вѣсями, такъ какъ тамъ находится новый дворецъ корейскаго императора и находятся, кромѣ того, корейскія постройки.

Мичманъ В. П. Шмидтъ,
тяжело раненый при гвелеи „Петропавловска“.

Зданіе русской мисіи расположено на чудномъ возвышенномъ мѣстѣ и окружено тѣнистымъ паркомъ, такъ что все утопаетъ въ зелени.

Зданіе выстроено русскимъ архитекторомъ А. И. Серединымъ-Сабатинымъ, служившимъ раньше при корейскомъ дворцѣ, а нынѣ состоящимъ агентомъ морского пароходства в. в. ж. д. въ Чемульпо. Домъ этотъ очень красивъ на видъ, имѣетъ высокія сводчатая окна, обнесены портикомъ для прохлады въ лѣтнее время и увѣнчанъ высокой квадратной башней, съ вершины которой открывается прекрасный видъ на весь Сеулъ. Русскимъ посланникомъ въ Корей въ послѣднее время состоялъ камеръ-юнкеръ Павловъ, всегда энергично слѣдившій за русскими интересами на Дальнемъ Востока; по его мысли, какъ го-

ворять, мы рѣшили арендовать у Китая Портъ-Артуръ и Квантунскую область. Русская миссія примыкаетъ одной стороной къ императорскому дворцу, съ которымъ ее соединяетъ историческая калитка, черезъ которую корейскій императоръ, тогда еще король, бывалъ въ русскую миссію, спасаясь отъ преслѣдованій японцевъ, убившихъ королеву и добравшихся до него самого.

Это было въ 1896 году. Король больше года прожилъ въ этомъ добровольномъ плѣну, и его поступокъ вызвалъ перемѣну въ политикѣ японцевъ и привелъ къ русско-японскому соглашенію по поводу корейскихъ дѣлъ, подписанному въ томъ же 1896 году.

IV.

Черезъ улицу, вѣскось, выскитъ большое красное зданіе англійскаго посольства, а да-

Капитанъ 2-го ранга П. А. Кроунъ,
погибшій на „Петропавловскѣ“.

Младшій судовый механикъ
Т. Ф. Сейппель,
погибшій на „Петропавловскѣ“.

лѣе, опять каменные стѣны, за которыми возвышаются громадныя черепичныя кровли съ низами, выкрашенными зеленой и красной краской. Это императорскій новый пал, какъ его называютъ, лѣтній дворецъ (хотя императоръ теперь въ немъ живетъ круглый годъ).

Само зданіе не представляетъ ничего особеннаго по европейскимъ понятіямъ; это обыкновенная китайская фанза, только большихъ размѣровъ. Все архитектурное искусство потрачено на кровлю и поддерживающіе ее карнизы, которые и являются самой дорогой частью зданія. Всѣ стропила примыкаютъ другъ къ другу и наложены одни на другія въ нѣсколько рядовъ, и ихъ концы, выпущенные наружу, составляютъ гвоздь корейской архитектуры. Ихъ въ кровлѣ нѣсколько

На городской стѣнѣ въ Ляоянь.
Съ фотографіи корреспондента.

Встрѣча героевъ Чемульпо съ родными въ Одессѣ.
Съ фотографіи корреспондента.

Изабелла, экс-королева испанская,
скончавшаяся в Париж.
Съ последней фотографіи.

тысяч, каждый обдѣланъ въ самостоятельную архитектурную форму и выкрашенъ въ особый цвѣтъ, такъ что отъ куска подобного карниза получается впечатлѣніе, какъ отъ гигантской сосновой пики, чешуйчатая пластинка которой были бы составлены изъ мозаичныхъ камней. Въ общемъ преобладаютъ красный и зеленый цвѣта.

Всѣ карнизы покрыты стальной сѣткой, чтобы ихъ не портили птицы, и поддерживаются большими колоннами, на возвышенномъ основаніи изъ каменныхъ плитъ, окруженномъ массивными каменными перилами.

Посольство тибетскаго Далай-Ламы въ лагерь начальника англійскаго отряда
полковника Зонгхесбанда.

Дворцовый дворъ занимаетъ большое пространство, на которомъ разбросано нѣсколько зданій меньшей величины. Дворъ вымощенъ каменными плитами и безлѣденъ, только у зданій стоятъ недвижныя фигуры часовыхъ.

Говорятъ, что сами корейцы не знаютъ, въ какомъ именно зданіи помѣщается въ данную минуту императоръ, потому что онъ все время

кочуетъ изъ одного дома въ другой, опасаясь покушенія на свою жизнь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Весна.

Весна, это — открытая дверь.

Кто ее открылъ? Какимъ благодатнымъ свѣ-

Изъ жизни китайскаго двора. — Американская
миссіонерка пишетъ портретъ императрицы.

Во дворцѣ корейскаго императора послѣ подписанія соглашенія съ Японіей.

Рядомъ съ императоромъ корейская императрица.

жизнь ароматнымъ вѣтромъ преодолевая ея инертность? Какой чудесный и странный, изъ году въ годъ повторяющийся порывъ новыхъ вѣтровъ пролетѣлъ надъ землей? Почему и жутко, и грустно, и глаза блестятъ отъ непонятнаго волненія?...

Чудо! Чудо!.. Невѣдомо куда дѣваются цѣлыя горы снѣга,—эти поднявшіяся надъ землей, но замершія подъ холодными тучами человѣческія мечтанія. Невѣдомо, какъ и куда исчезаютъ миллионы миллионы пудовъ льда, эти заснувшіе звуки лѣтней жизни.

Что-то рѣзаетъ надъ землей. Что-то изъ-за безграничныхъ пространствъ, изъ-за мрака и холода межиланетной тайны улыбаются намъ. Шепчутъ, приветствуютъ... Вотъ-вотъ подлетятъ.

Облака, однако, закрываютъ небо. Сумрачно. На землѣ нѣтъ тѣней.

Но, однажды утромъ—это было недавно—вы просыпаетесь и видите весеннее солнце. Чувствуете его въ снѣ. Можете быть, улыбаетесь, можете быть, грезнете о дѣтствѣ.

По свѣтлому, блѣдному, еще слабому, еще не нажившему силъ небу (первые весенніе лѣсточки у береговъ тоже блѣдые, слабо окрашенные), слышно ледоходъ прошлепъ. Ночью, когда огромная тѣнь въ нѣскольکو милліоновъ квадратныхъ перстѣ ворвалась во вселивенную, по небу, словно лѣдники, шли, сталкиваясь, нагоняя и разрушая другъ друга, облака, или нѣсколько часовъ въ совершенной тишинѣ, прикрытая гигантской тѣнью. Шли и сѣли. Надо было успѣть до утра... А утро въ этотъ день—это было недавно—какъ нарочно началось ранѣе.

По уединѣ. Всѣ прошли къ зарѣ,—къ первой весенней зарѣ облакоходъ былъ оконченъ. Когда взошло солнце,—пожмались отъ холода, оно застало лишь нѣскольکو загнѣвшихъся „лѣдникъ“. Воздушная армія прошла, едва показавъ свой арьергардъ. И скрылась.

Вотъ такимъ образомъ началось весна. Солнце само обогрѣлось—потому что стало теплѣе—и обогрѣвало землю. Сегодня блѣдно-голубого неколоритнаго и ба и навѣвало на васъ, еще спящихъ, грезы дѣтства и безпричинную улыбку...

Улыбались и грезли въ животныя, попрыгивающія на зиму въ берлоги, пещеры, дупла и кору; наскочила подъ корой деревьевъ, подъ полусгнившими мхомъ, подъ землей и камнями; гусеницы бабочекъ, проводившія зиму на морозѣ, прижавшись къ вѣточкѣ (естъ такія); птицы въ воздухѣ и рыбы въ прудахъ, озерахъ и рѣкахъ вдругъ узнали, что закончился облакоходъ въ небѣ.

Странно: узнали объ этомъ—сѣмена, скороспелыя въ землѣ, соки деревьевъ, кустовъ и травъ, соки подземныхъ луковичъ, корневищъ и корней, невѣдомыя силы, тащіяся въ почвахъ узлахъ вѣтвей—этихъ загадочныхъ перекатахъ, рождающихъ жизнь.

Что-то прошептало въ воздухѣ, какъ благостная вѣсть, какъ лозунгъ.

И тихо, тихо стала открываться какая-то дверь.

***

Чудо, чудо!..

Мы вѣримъ и знаемъ—думаемъ, что знаемъ—тайну умирая, тайну постепеннаго, неотвратимаго умирая. Мы признаемъ ее. Мы ее чувствуемъ. Она происходитъ на нашихъ глазахъ.

—Кѣточка старѣетъ, изнашиваются,—говоримъ мы.

И ее очень удивляемся.

Что удивительнаго въ смерти сѣдога старика? Или въ томъ, что сердцевинная гниль сѣдлаетъ жизнь духовитѣльнѣе дуба? Или въ томъ, что въ дождливую, сырую, и мрачную

осень, въ темную осень, въ темную ночь безпощадной, безпріютной осени сгиваютъ травы, листья, мхи и папоротники?!

Мы всѣ умираемъ, едва только родимся. „Первый крикъ новорожденнаго—это первый стонъ умирающаго“. На каждомъ шагѣ, при каждомъ движеніи, при каждомъ взглядѣ нашемъ, при каждомъ дыханіи мы встречаемъ смерть—все равно чью: человѣка, буканши, кѣточка, вещи. Мы привыкли къ ней. Мы окружены ею. Мы живемъ и бываемъ счастливы—такъ намъ кажется—среди ея мрачныхъ чертоговъ.

Насъ огорчаетъ только неожиданность, постепенность. Мы все прощаемъ и принимаемъ, кроме скачковъ времени.

Постепенная, строго-логическая (а мы очень, очень логичны, до сибирскаго, до безумія логичны) смерть насъ очень мало утѣшаетъ и заботитъ. Дѣтство сѣивается юностью, зрѣлость переходитъ въ одну точку стрѣлы. Такъ должно быть, таковъ законъ. Это вѣдь такъ просто, почти понятно.

Почти понятно и тоже очень просто и очень, очень логично постепенное назрѣваніе весны въ лѣто, переходъ блѣдной синевы высокаго неба въ темную окраску душевнаго и низкаго горизонта; естественно и сиреведливо, и вовсе не загадочно—такъ убѣждаемъ мы себя—тихое и грустное умираіе бабьяго лѣта, его молчаливая и сдержанная тоска, его невыплаканныя слезы уходящей страсти, его непонятная прелесть уходящей красоты; поражающе-ли насъ дѣлѣ осенніе дожди, тѣ самые дожди, которые выплываютъ грусть бабьяго лѣта? а дикіе и злые порывы вѣтра, а холодная рябь остывающихъ, среди прояснившихся лѣсныхъ чащъ, прудовъ? А первые заморозки при красноватомъ, пылающемъ, но холодномъ, а потому и мертвомъ, солнцѣ? А лѣтнія горы снѣга—эти застывшія подъ холодными тучами мечтанія утекающаго года? А миллионы миллионы пудовъ льда, въ которыхъ какъ бы останавливаются, кристаллизуются, звуки лѣтней жизни?!

Кончается кругъ. Завершается, Вотъ вѣсть, въ который разъ, одно и то же мировое явленіе; тихо угасаетъ свѣтъ лампы... надвигается ночь. Тишина.

Глухо, какъ крышка гроба, захлопывается какая-то дверь.

***

Но, вотъ чудо: дверь открывается. Вотъ чудо: разсвѣтъ. Вотъ чудо изъ чудесъ, неразгаданное, непонятное, невыразимое, неприимлемое умомъ,—новая весна!

Это непостижимо. Къ этому невозможно привыкнуть.

Не улавливается грань лѣта отъ осени, осени отъ зимы, но рѣзко, могуче и поражающе скачѣтъ отъ холодныхъ ночей со скрывающимся свѣтомъ, съ метелями и болѣю морозовъ къ тихой, благодатной улыбкѣ весны, къ непонятнымъ подвѣиваніямъ, къ блѣдному, отъ цвѣта снѣга, анемомамъ, къ жаворонокъ и ласковымъ, обсыхающимъ, теплымъ, какъ тихая свѣта, полымъ.

Новая весна—начало нового круга, совершенно новаго, возникающаго такъ загадочно, такъ непонятно. Не рядъ сиралей являетъ намъ снѣга временъ года, а скорѣе всего рядъ круговъ, странно между собой связанныхъ.

Здѣсь ужъ не постепенное и строго-логическое превращеніе жизненной энергіи въ покой кладбища, а внезапное буйное и оргастическое воскресеніе умершихъ. На моголахъ цвѣты вырастаютъ. Оживаютъ заглохшія, затерянные въ похолодѣвшемъ осеннемъ воздухѣ пѣсни. Изъ пепла огонь выливается.

Какая-то могучая обратная волна хлынула

черезъ борты корабля постепенности, смыла все увядшее, сгнившее, отомеднее и возлѣкла всѣ соки, всѣ ткани и кѣточка простѣвшихъ и сложнѣвшихъ живей въ новую юную комбинацію. Кончилась тайна смерти, и началась тайна, величайшая тайна—возрожденія.

Мозгъ не мирится съ ясной прелестью огромнаго явленія. Смогаются болѣзненные анализы. Тихая и радостная, и грустная улыбка озаряетъ лицо.

Открывается дверь въ какое-то просторное свѣтло, новое, совершенно новое, помѣщеніе. Стѣны какъ будто тѣ же, что и годъ назадъ, но нѣтъ. Какъ будто прежняя прошлогодняя обстановка, но вѣдь она тихо и жалко скончалась нѣскольکو мѣсяцевъ назадъ. Тѣ же лѣсъ и нивы, поросшія колосьями, какъ упрямые головы деревенскихъ крестьянскихъ мальчишекъ со свѣтлыми волосами, то же нѣбо и солнце, и прекрасныя звѣзды, и звучація звѣзды, и одинокая прелесть весеннихъ зорь.

Но это вѣдь все новое. Жизнь воскресла. Жизнь обновилась вся, вся до послѣдней вѣточкѣ, до капли воды въ лѣсной рѣчкѣ, до пухляка воздуха въ саду...

Вспрухаютъ и дворахъ оттаяли звуки—нѣтъ, народились новыя! Изъ-подъ по-уснившихъ листьевъ, изъ-подъ деревьевъ, изъ-подъ земли вылетѣли цѣлыя тучи жуужащихъ, толкущихъ, сверкающихъ, стрекочущихъ насекомыхъ—нѣтъ, появились новыя! Разнообразная ароматная, нѣжная, красная, желтая, синяя рябь цвѣтовъ, неисчислимая тѣма темъ травъ, листьевъ, прилистниковъ и прицвѣтчиковъ полвилась незвѣстно какъ, незвѣстно почему, въ нѣскольکو ночей... Словно южный вѣтеръ принесъ ихъ за пазухой и разбросалъ по лѣсу, по полю, по вѣтвямъ кустовъ и деревьевъ, по берегамъ рѣкъ, а нивы такъ даже уронилъ въ воду...

***

На нашихъ глазахъ въ сердцахъ и въ душахъ нашихъ каждую весну свершается чудо обновившейся жизни, и мы его ждемъ, ищемъ какого-то иного будущаго „настоящаго года“! И не вѣримъ въ „сверхъестественное“. И замыслился въ узкія рамки позитивнаго мышленія.

Всю зиму тихо и незаметно въ тайникахъ нашей души назрѣвало великое воскресеніе. Подъ свѣтомъ остановившихся мечтаній, подъ ледяной корою вѣтхихъ застывшихъ чувствъ и ощущеній обихода всю зиму набирали силы вѣшня сѣмена, сѣмена будущаго воспріянія.

Тайна рожденія не подлежитъ сознанію. И все новое, даже реформа какого-нибудь безобиднаго вѣдомства, имѣетъ началомъ беззастѣнливые родники невѣданныхъ глубинъ.

По небу—по вавутреннему небу нашему—свершается облакоходъ. Словно лѣдники на Невѣ проходятъ, очищая воды, облака плутъ всю ночь, начиная съ первыхъ лѣтнихъ. Это сигналъ.

Къ утру оянокъ утихли. Прошли всѣ. Когда на весенней зарѣ, на первой весенней зарѣ, взошло солнце,—какъ нарочно въ этотъ день раньше обихода—оно застало лишь нѣскольکو загнѣвшихъся облаковъ прошлаго.

Новые соки душевнаго нашего склала пролились, новыя силы пробудились. Совѣшенно новыя. Творческія, яркія, грустныя и...обремененныя.

Мы встречаемъ весну съ обновленнымъ тѣломъ; за зиму мы успѣли обновить всѣ ткани, всѣ сосуды, всѣ кѣточка; мы словно въ новомъ парадномъ платьѣ, похожемъ на то, въ какомъ видѣли прошлогодною весну—похожемъ, но все же иномъ.

Мы не знаем: будемъ-ли участницами
новой жизни? Поворотъ-ли насъ?

И тревожно смотримъ на тихо открываю-
щуюся дверь...

О. Дымовъ.

Праздникъ красоты.

Современная жизнь стремится къ удобству
и къ ущербу красотѣ. Не только природа, но и
обстановка, и наряды уродуются людьми во
имя техническаго прогресса и комфорта, и
даже сами люди утрачиваютъ прежнюю пла-
стику и красоту правильныхъ очертаній, здо-
ровую, свѣжую и пышную.

Въ быстротѣ жизненныхъ переживаній не
всѣмъ успѣваетъ оглядѣться, задуматься и
наметить.

Во все же достаточно часто раздаются жа-
лобы на сѣроту, невзрачность, непри-
ятность людей, ихъ нарядовъ, ихъ обстановки,
всего строя современного города.

И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что
тамъ, гдѣ сохранились любовь и уваженіе къ
красивымъ формамъ, въ южныхъ латинскихъ
странахъ, главнымъ образомъ, до сихъ поръ
еще существуютъ обычай вѣнчать весной кра-
снѣйшую дѣвушку города или села одно-
именной царией. Обычай этотъ въ видѣ по-
разанія перешелъ и къ большимъ чувстви-
тельнымъ, политическимъ и промышленнымъ
центрамъ, которымъ, казалось бы, что за дѣ-
ло до простой красоты формъ и линій какой-
нибудь бѣловыявки, цѣточницы, модистки
или портняжы.

Но недавно затѣя американской милли-
онерши доказала, что даже въ дѣловой и су-
хой Америкѣ не совсѣмъ утратилось чувство
красоты со всѣмъ ей нивелирующимъ го-
моществомъ, обаяніемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ
различіе классовъ, бѣдности и богатства,
ума и глупости.

Извѣстная въ Чикаго миллионерша г-жа
Пейнъ задумалась мысленно собрать у себя са-
мыхъ красивыхъ женщинъ Чикаго, угостить
ихъ, не разбирая ихъ общественнаго и ин-
тимнаго положенія, и устроить, такимъ
образомъ, „праздникъ красоты“.

Устройство это оказалось сопряженнымъ
съ громадными трудностями. Пришлось на-
ходить справки, бѣдить, осматривать, выби-
рать. Прошло много времени, пока было по-
черпано все, что Чикаго предлагало въ смы-
слѣ женской красоты. Пятдесятъ избран-
ницъ остались для окончательнаго выбора.
Изъ нихъ, въ концѣ концовъ, были избраны
пятнадцать. Онѣ были до того красивы, что
отдать предпочтеніе одной передъ другой или
отдать остальными не представлялось воз-
можнымъ.

Г-жа Пейнъ отказалась отъ своей перво-
начальной мысли избрать царю красоты и
вручить ей золотое яблоко. Она заказала
пятнадцать золотыхъ яблокъ, наполнила ихъ
подарками и роздала пятнадцати красави-
цамъ, собравшимся къ ней на обѣдъ.

Но праздникъ красоты не былъ лишь свѣт-
лымъ и радостнымъ праздникомъ всеобщаго
удовлетворенія.

Изъ одна изъ пятнадцати избранныхъ не
была довольна мудрымъ рѣшеніемъ хозяйки,
ибо каждая наѣдалась одна только получить
золотое яблоко, подобно тому, какъ изъ трехъ
богинь когда-то только одна Венера получила
яблоко отъ Париса. А въ городѣ, между тѣмъ,
всѣмъ понашамъ въ числѣ избранныхъ, оскорб-
ленія въ своемъ самолюбіи, разносила злая
сплетня про добрую хозяйку, хотя едва-ли
справедливо ставить ей въ вину то обстоя-

тельство, что въ громадномъ Чикаго нашлось
только пятнадцать безусловно и безусловно
красивыхъ женщинъ.

С. Р.

Изъ жизни королевы Изабеллы II.

(Портретъ на стр. 117).

Королева Изабелла, недавно скончав-
шаяся въ такъ называемомъ Кастиль-
скомъ дворцѣ, на Avenue Cleber, въ Парижѣ,
много лѣтъ жила такой уединенной
жизнью, что совсѣмъ почти скрылась изъ
глазъ большой публики, и младшія поколѣ-
нія не подозревали, какую большую
роль играла она въ своей юности. Она не
только держала въ напряженномъ состояніи
кабинеты великихъ державъ и ока-
зывала значительное вліяніе на міръ
Европы, но она доставляла богатѣйшій
матеріалъ для скандальной хроники все-
го міра. Последнее было ей личнымъ дѣ-
ломъ, въ политикѣ же она была только
игрушкой другихъ. Уже ребенкомъ она
была злымъ рокомъ своей странѣ. Отецъ
ей Фердинандъ VII, по настоянію своей
четвертой супруги Христины Неаполитан-
ской, уничтожилъ прагматическую
санкцію отъ 2-го марта 1830 года указъ
о престолонаслѣдіи Филиппа V, отъ
1713 года, и утвердилъ кастильскія на-
слѣдственные права дочерей. Вслѣдствіе
этой санкціи братья, короли донъ Карлосъ
былъ исключенъ изъ наслѣдниковъ пре-
стола, и когда король умеръ (29 се-
нтября 1833 года), то королевою испанской
была провозглашена трехлѣтняя Иза-
белла, а регентшей ея мать Христина.
Донъ Карлосъ поднялъ знамя возстанія
и къ нему примкнули всѣ реакціонеры и
крайніе клерикалы, регентша же опира-
лась на либераловъ и радикаловъ. Въ
продолженіе многихъ лѣтъ свирѣпство-
вала междоусобная война, которая со
стороны карлистовъ велась съ неслыхан-
ной жестокостью. Чтобы наказать за же-
стокости самаго свирѣпшаго карлистскаго
вождя Кабреро, генераль правитель-
ственныхъ войскъ Мина приказалъ рас-
стрѣлять его мать, за что Кабреро, въ
свою очередь, подвергнулъ такой же уча-
сти 24-хъ женъ приверженцевъ прави-
тельства и приказалъ точнѣе же рас-
стрѣлять всѣхъ плѣнныхъ. Ужасы ме-
ждоусобной войны дошли до такой степе-
ни, что уже европейскія державы рѣши-
ли вмѣшаться и дѣло остановилось то-
лько за тѣмъ, что державы не могли придти
къ единодушному соглашенію по этому
вопросу. Междоусобная война постепенно
затихла только послѣ того, какъ карли-
стскій генераль Эспартерро, въ августѣ
1839 года, перешелъ на сторону прави-
тельства. Но смуты, возстанія и стычки
продолжались еще долго. Въ концѣ ко-
нцовъ, Христина увидѣла себя вынужден-
ной отречься отъ своихъ правъ и оста-
вить страну, причемъ Эспартерро былъ
назначенъ регентомъ. Но послѣдній ско-
ро долженъ былъ уступить передъ коали-
цей партій Прима и Нарваеса; 13-лѣтняя
Изабелла въ 1843 году была объявлена
совершеннолѣтней, и съ 1845 года факти-
чески правилъ страной Нарваесъ, осво-
бодившійся отъ своего пособника Прима.
До 1851 года страна пользовалась отно-
сительнымъ спокойствіемъ.

Если въ эти событія касались только
одной Испаніи, то вопросъ, кого должна
Изабелла избрать себѣ въ мужья, зани-
малъ всю Европу. Во Франціи послѣ ре-
волюціи 1830 года царствовалъ такъ на-
зываемый мѣшанскій король Людовикъ-
Филиппъ, желавшій укрѣпить свое па-
рство и свою династію. Ему хотѣлось
женить своихъ двухъ сыновей на коро-
левахъ Изабеллѣ и ея младшей сестрѣ, но

этому воспротивилась Англія, предпочи-
тавшая принца Леопольда Кобургскаго,
между тѣмъ какъ регентша Христина
предпочитала своего родственника, графа
Трапани. Наконецъ, Англія согласилась,
чтобы Изабелла вышла замужъ за одного
изъ членовъ Бурбонскаго дома, за исклю-
ченіемъ сыновей Людовика-Филиппа.
Впрочемъ, Англія согласилась даже на
то, чтобы младшая сестра Изабеллы вы-
шла замужъ за сына Людовика-Филиппа,
герцога Монпансе, но съ условіемъ, если
Изабелла выйдетъ замужъ раньше и
если у нея будетъ потомство. Людовикъ-
Филиппъ на это торжественно согла-
сился. Такимъ образомъ, кандидатами на
руку Изабеллы остались оба ея двоюрод-
ные брата: Францискъ Ассизскій, и гер-
цогъ Генрихъ Севильскій. О первомъ въ
кругу приближенныхъ было извѣстно, что
онъ не можетъ имѣть потомства, поэтому
первый министръ Людовика-Филиппа, Ги-
зю, по желанію короля, въ концѣ концовъ,
и устроилъ такъ, что Изабелла вышла за-
мужъ за ненавидимаго ею Фраиска
Ассизскаго. Въ тотъ же день, 10 октября
1846 г., былъ повѣнчанъ герцогъ Монпансе
съ сестрою Изабеллы, въ противнѣ-
ствіе обаянію Людовика-Филиппа; послѣдній
говорилъ, что онъ нарушилъ своего слова,
такъ какъ сестру Изабеллы обвиня-
ли чѣмъ спустя послѣ вѣнчанія сестры.
Но Орлеанскимъ не возло. Хитрость Лю-
довика-Филиппа возбудила въ Англіи та-
кое странное раздраженіе, что англій-
ская политика обратилась всецѣло про-
тивъ Франціи. Вслѣдствіе этого, Людо-
викъ-Филиппъ долженъ былъ примкнуть
къ Австріи и Пруссіи, держащимъ реак-
ционнымъ, что привело къ революціи
1848 года и къ паденію Людовика-Фили-
ппа и его династіи. Лонгюли также и
другія надежды короля: у Изабеллы яви-
лись дѣти и такимъ образомъ надежды
герцога Монпансе на испанскій пре-
столъ рухнули. Но Изабеллѣ еще разъ
пришлось, хотя косвенно, пострадать евро-
пейскій міръ. Когда, 29 сентября 1860 г.,
она была свергнута съ престола и изгнана
изъ Испаніи, стали искать ей преем-
ника. Кандидатура принца Леопольда
Гогенцоллернскаго дала вѣрный толчокъ
къ франко-прусской войнѣ 1870 года.

Изабеллѣ не возло въ политикѣ, по-
тому она искала утѣшенія въ другомъ.
Мать ей не могла подарить хорошаго при-
мысла. Христина, благодаря своей пороч-
ной жизни, сама содѣйствовала своему
паденію. Въ концѣ концовъ, она возвела
въ герцогское достоинство гвардейскаго
солдата Муноса и вышла за него замужъ.
Паденію Изабеллы тоже главными обра-
зомъ содѣйствовало ея скандальное по-
веденіе. Одинъ фаворитъ смѣнялъ дру-
гого, начиная съ маршала Серрано и кон-
чая мажордомомъ Марфори, сумѣвшимъ
привлечь къ себѣ королеву надолго и
сопровождаямъ ее даже въ изгнаніе
въ Парижъ. Иногда фаворитами ея дѣла-
лись простые солдаты, которыхъ она
производила въ генералы. Супругъ ея,
Францискъ Ассизскій, получившій коро-
левскій титулъ, хотя не былъ мужичиной,
но обладалъ чувствомъ мужского достоин-
ства. Онъ недолго прожилъ съ нею, раз-
вела и жилъ отдѣльно. По природѣ
и воспитанію, странная ханжа и въ то же
время беззастѣночно грѣшница, Изабелла
съ годами все тѣшнее и тѣшнее сходилась
съ реакціонерами и самыми ограничен-
ными клерикалами. Постепенно, на ряду
съ различными любимцами, во дворцѣ
появились духовникъ патеръ Кларе и мо-
нахиня Патроніио, довременное лицо
исувитовъ и папы. Марфори и его отноше-
нія къ королеву долгое время служили
сюжетомъ карикатуръ всѣхъ странъ.

Послѣ и котораго времени относитель-
наго спокойствія, въ Испаніи снова раз-
разились волненія, военные возмущенія,
такъ называемая проиундаменто, и, на-
конецъ, самые вліятельные вожди партій

Полковникъ генеральнаго штаба
А. П. Ягубовъ,
погибшій на „Петропавловскѣ“ 31-го марта.

лѣвой соединились вмѣстѣ, чтобы положить конецъ скандаламъ при дворѣ. По этому поводу рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Самый вліятельный и самый честолюбивый генералъ Примъ, бывшій также одно время фаворитомъ королевы, былъ самой сильной опорой ея партіи. Сдѣлавшись министромъ президентомъ, онъ явился во дворецъ королевы и представилъ на ея усмотрѣніе списокъ министровъ. Королева увѣрила его съ самой очаровательной улыбкой, что ей пріятны всѣ министры, предлагаемые имъ. Когда генералъ раскланялся, поцѣловалъ руку и повернулся, онъ увидѣлъ въ противостоящемъ зеркалѣ, какъ королева показывала ему носъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, но тотчасъ же отправился къ вождямъ противной партіи, примкнулъ къ нимъ и привлекъ на ихъ

Къ пребыванію въ Петербургъ командующаго Тихоокеанскимъ флотомъ.
Вице-адмиралъ Скрыдловъ возвращается изъ Зимняго дворца 7-го апрѣля.
Со снимка нашего фотографа, авторства „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

сторону большую часть войска. Паденіе Изабеллы было неизбежно. Въ это же самое время, когда объ испанскомъ дворѣ рассказывались самыя скандальныя исторіи, папѣ Пію IX вдумалось прислать Изабеллѣ „золотую розу добродѣтели“. Никогда еще вся Европа такъ не глумилась и такъ не острала, какъ по этому поводу.

Покинувъ Испанію, Изабелла протестовала противъ своего сверженія съ трона и затѣмъ поселилась въ Парижъ, гдѣ 25-го іюня 1870 года отреклась отъ своихъ правъ въ пользу своего сына Альфонса. Когда послѣдній въ 1875 г., при посредствѣ маршаловъ Мартинца Кампоса и Серрано, былъ провозглашенъ королемъ, Изабелла могла вернуться на родину. Она вернулась, но привезла также съ со-

бой и Марфори. Когда послѣднему отъ министерства Сагасты вышелъ приказъ покинуть Испанію, Изабелла, не добившись никакими усиліями отмены этого приказа, вернулась съ Марфори въ Парижъ, который съ тѣхъ поръ ужъ не покидала. Парившее въ ея дворцѣ оживленіе постепенно стало утихать. Изабелла мало выезжала, никогда не посѣщала театровъ, но иногда собирала у себя артистовъ, главнымъ образомъ испанцевъ; такъ, у нея бывали: Гарсія съ двумя дочерьми, Малибранъ, Полина Виардо, теноръ Гаярри и другіе. Во дворцѣ царилъ строгій этикетъ, но по вѣншему виду нельзя было подумать, что здѣсь проживаетъ королева.

Къ пребыванію въ Петербургъ командующаго Тихоокеанскимъ флотомъ. — Петербуржцы приветствуютъ вице-адмирала Скрыдлова при выходѣ его изъ гостиницы, 6-го апрѣля.
Оригинальный рисунокъ художника „Биржевыхъ Вѣдомостей“.